



Кукуша

Крушение (Кукуша #5)

Кукуша

Крушение (Кукуша #5)

«Автор»

2026

Кукуша

Крушение (Кукуша #5) / Кукуша — «Автор», 2026

В пятой части Кукуша сталкивается с кризисом, который рушит её мандариновую философию счастья. Пролог с гнилым мандарином становится метафорой жизни: внешний блеск — и внутренняя пустота. Кукуша перестаёт чувствовать магию «кругов единства», её теории не могут утешить соседку Лену, а уход профессора Кротова на пенсию лишает опоры. Героиня пытается спрятаться от «пустоты» в родительском доме, но сталкивается там с простой мудростью матери. Решающий поворот наступает после случайного разговора во дворе с незнакомой старушкой, которая учит её видеть счастье не в глобальных смыслах, а в простых данностях: ногах, которые ходят, тополе за окном и руке мужа. Кукуша перестаёт бороться с пустотой, принимает её и собирает новый, честный круг — без обещаний и мандаринов, где люди просто держатся за руки и признают свою боль. Эпилог дарит горько-сладкое примирение: героиня снова покупает мандарины, находит вкус в настоящем и пишет в дневнике, что её философия рухнула, но сама она — ещё нет.

© Кукуша, 2026

© Автор, 2026

Кукуша

Крушение (Кукуша #5)

Пролог: Гнилой мандарин

Всё началось с мандарина. Не с какого-то особенного, символического, а с самого обычного — оранжевого, чуть приплюснутого, пахнущего зимой и детством. Кукуша купила целый килограмм на рынке у знакомой продавщицы тёти Симы. Она выбирала долго, придирчиво: мяла каждый пальцами, проверяла на упругость, нюхала. Ей нужны были самые красивые, с блестящей, будто лакированной кожей — те, что обещают праздник. Дома она разулась, сунула ноги в пушистые тапки и с чувством выполненного долга усекалась на кухне. Положила перед собой тарелку — любимую, с трещиной, потому что «талисманную» — и начала чистить.

Первый мандарин оказался безупречным. Сладкий, сочный, с тонкими перегородками, он разошёлся во рту солнечным взрывом. Кукуша съела его с удовольствием, даже зажмурилась. Второй был чуть суховат, но терпимо — вполне середнячок. Третий она надломил, и изнутри, из самой сердцевины, потянуло гнилью. Серая, склизкая, страшная мякоть, горький запах прели, ударивший в нос, как предупреждение. Кукуша брезгливо выбросила его в ведро и тщательно, с мылом, помыла руки. Четвёртый — точно такой же. Пятый — тоже. Она разрешила каждый фрукт ножом, надеясь, что следующий окажется целым, словно пыталась обмануть судьбу. Но все пять, купленных «на счастье» для воскресного круга, оказались гнилыми изнутри. Снаружи — обманчивое оранжевое совершенство. Внутри — труха и разложение.

— Павел, — позвала она мужа, чувствуя, как к горлу подступает горький ком. — Почему мандарины гнилые? Я же выбирала. Самые лучшие!

Павел сидел за ноутбуком в соседней комнате и правил чью-то занудную статью о когнитивных искажениях. Он поднял голову, поправил сползающие очки и посмотрел на неё тем терпеливо-снихождительным взглядом, который она обычно называла «взглядом истинного скептика».

— Сезон кончился, Аглая, — спокойно ответил он. — Поздние мандарины часто такие. Снаружи кажутся крепкими, а внутри — гниль. Это биохимия. Не бери больше у этой тёти Симы. Возьми яблоки. Или апельсины.

— Но они выглядели идеальными! — воскликнула она, глядя на оранжевые шкурки в мусорном ведре. — Идеальными, Паша!

— Видимость обманчива, — философски заметил он, возвращаясь к монитору. — Ты же философ, должна знать Платона о пещере. Или хотя бы житейскую мудрость.

Кукуша не ответила. Она смотрела на россыпь мандариновых шкурок, и вдруг холодная, липкая, как та самая гниль, мысль заползла в голову: «А что, если и моя жизнь — такой же мандарин? Снаружи красивая, упругая, пахнущая счастьем и уютом, а внутри — сплошная серая, склизкая пустота? Что, если все эти годы я просто бережно хранила испорченный фрукт?»

Она попыталась отогнать эту мысль, рассмеяться, позвонить маме, покормить кошку. Но мысль не ушла. Она вернулась через час, когда Кукуша мыла посуду. Вернулась через два, когда она укладывала Софию спать. Вернулась через день, когда она собиралась на круг. И не уходила. Она росла, разбухала, заполняя собой всё внутреннее пространство, как та самая гнилая мякоть.

Глава 1. Трещина

Та мысль была первой трещиной. Маленькой, тонкой, почти незаметной — как волос на фарфоре. Кукуша убеждала себя, что это просто усталость. Софии уже девять месяцев, она режет зуб за зубом, плохо спит по ночам, постоянно просится на руки. Кукуша не высыпалась, завтраки превратились в ритуал «залить в себя кофе за три минуты», плюс бесконечный быт, плюс Павел начал часто задерживаться на работе: новый грантовый проект на кафедре забрал

всё его время. Плюс мама звонила каждый вечер и жаловалась на давление, на погоду, на соседей. Кукуша сказала себе, как учила других: «Это пройдёт. Просто кризис. Я философ, я знаю, что кризисы — это не конец, а точки роста. Переломный момент перед обновлением».

В воскресенье она пошла на круг. Как обычно, собрались у старого тополя, который помнил ещё трёх дворников. Баба Зина, как всегда, принесла пирожки с грибами — целую плетёную корзину, потому что «внукам надо, а внуков нет, так хоть вам, родные, перепадёт». Дядя Гриша торжественно сообщил, что его «Запорожец» наконец-то завёлся с полпинка и даже проехал два квартала, но лишился левого зеркала, налетев на столб. Валерий Степанович принёс складные стулья и своё привычное, как галоши, плохое настроение — у него опять засори́лась канализация в ванной, и он провёл полдня в подвале, перекрывая стояк. Лена пришла с маленьким Артёмом — малыш уже бойко бегал, путаясь в ногах, и пытался поймать дворовую кошку Мусю, которая шипела на него с завидным постоянством. Аня и Катя — с новой гирляндой, на этот раз с мандариновыми лампочками. Дёшево и сердито: купили на распродаже за двести рублей, и они мигали не в такт.

Кукуша встала в круг, взялась за руки. Слева — тёплая, шершавая ладонь дяди Гриши, справа — прохладная и сухая рука Лены. Она закрыла глаза и замерла, ожидая привычного, уже ставшего физиологической потребностью тепла. Того щемящего, почти электрического ощущения единства, когда все дышат в унисон, когда чужие беды становятся твоими, а твоя радость — общей. Она сама начала, как учила Соловьёва:

— Дядя Гриша, — голос Кукуши звучал ровно, но без прежнего огня. — Вы сегодня — как молодой дуб. Крепкий, надёжный и, надеюсь, не скрипучий.

— Спасибо, Кукуша, — крикнул дядя Гриша, смущённо улыбнувшись. — А ты, дочка, как фейерверк. Не знаешь, куда выстрелишь, но всегда красиво. Даже когда промахиваешься.

— Валерий Степанович, вы стали мягче. Как заварное пирожное, которое наконец-то настоялось.

Валерий хмыкнул, что-то проворчал про сантиметры, но не возразил — даже, кажется, чуть приосанился.

— Баба Зина, — повернулась Кукуша. — Ваши пирожки — лучшее лекарство от хандры. Дешёвое и сердитое.

— А ты — лучшее лекарство от скуки, — в тон ей ответила баба Зина. — И от дурости тоже, бывает, помогаешь.

Круг шёл своим привычным чередом. Аня хвалила Катю за то, что та придумала гирлянду, Катя хвалила Аню за то, что та не бросила её на полпути к распродаже. Лена поблагодарила всех, что терпят её с Артёмом. Павел сказал Кукуше что-то дежурное про «самый лучший свет в окне».

Но Кукуша не чувствовала ровно ничего. Вообще ничего. Того самого, прежнего, щемящего, почти физического ощущения единства не было. Вместо него — пустота, как в пересохшем колодце. Она чувствовала только руки: тёплую, сухую, влажную, большую, маленькую — просто биологические контакты. Не больше. Как будто внутри неё кто-то щёлкнул выключателем, и свет погас. Лампочка, которая горела столько лет, перегорела без хлопков и дыма.

— Ты в порядке? — шепнула Аня, когда круг завершился, и люди рассыпались по пирожкам и чаю.

— Да, — соврала Кукуша, улыбнувшись краями губ. — Просто задумалась. О вечном.

— О чём именно?

— О том, что мандарины бывают гнилыми. Даже если снаружи похожи на солнце. И о том, что круги, кажется, больше не работают. Во всяком случае, на мне.

Аня не поняла, но решила не вдаваться в философию — её голова была занята выгодой на рынке. Она только порывисто обняла Кукушу, пахнущую мандариновым мылом и усталостью,

и сказала: «Ты главное — держись, Кукушка. Мы с Катей тебя любим. Даже если ты грустишь. Любим — и всё».

Кукуша кивнула, механически, как китайский болванчик. Вечером, когда София уснула, а Павел уткнулся в свой ноутбук, она достала свой старый, потрёпанный дневник. Купила его ещё на первом курсе философского, в переходе у метро, за сто пятьдесят рублей. Дневник пах пылью и прошедшими надеждами. Она открыла его наугад и написала новым, непривычно ровным почерком:

«Сегодня круг не сработал. Я не почувствовала счастья. Я не почувствовала соборности, которую так воспевали все наши классики. Я почувствовала только холодную усталость и вакуум в груди. Может быть, это я сломалась? Механизм дал трещину? Может быть, круг сломался? Может быть, счастья никогда и не было, а была только моя наивная, как у ребёнка, вера в него? Соловьёв писал о всеединстве — о том, что все мы части одного целого. Бердяев кричал о свободе как о главной ценности. Платонов искал правду-истину. А что, если все они ошибались, как обычные люди? Что, если я ошибалась все эти годы?»

Она закрыла дневник и долго-долго смотрела в потолок. В углу, на старом плёде, свернулась калачиком Рыжая. Кошка открыла один глаз, фыркнула, потом развернулась и ткнулась мокрым носом в её бок. Кукуша погладила кошку — механически, без души, только кончиками пальцев.

«Что-то не так, — подумала она с ледяной ясностью. — Что-то сломалось в самом главном механизме. Но что именно? И, главное, как это починить, если я даже не знаю, с какой стороны подойти?»

Ответа не было. И это молчание было страшнее любых слов.

Глава 2. Второй удар — слёзы Лены

Через три дня, в промозглый четверг, когда дождь барабанил по подоконнику как пулемётная очередь, позвонила Лена. Голос у неё был севшим, будто она пила наждак вместо воды, и дрожал мелкой, болезненной дрожью.

— Аглая, — прошептала она. — Можно я приду? Мне очень, очень плохо. Я больше не могу одна. Я сейчас сорвусь на Артёма, чувствую это. Прошу тебя.

— Приходи, конечно, — сказала Кукуша, роняя телефон на диван. — Я дома. Варю суп.

Лена пришла через полчаса, везя перед собой коляску с Артёмом. Ребёнок, закутанный в пуховое одеяло с мишками, мирно сопел, убаюканный дорогой. Сама Лена была неузнаваема: бледная, с красными, опухшими веками, в старой, растянутой до колен кофте, которую носила ещё со школы. Такие кофты обычно надевают только дома, когда никто не видит. Она села на кухонный табурет, не снимая куртки, и зарыдала — навзрыд, не стесняясь, безжалостно, выпуская наружу всё, что копилось неделями.

— Муж уехал, — выдавила она сквозь рыдания. — Опять. На вахту, в эту проклятую Сибирь. Сказал, что не может больше сидеть дома. Что денег нет, что он устал от меня и от Артёма, что я его пилю, что у него нет пространства. Сказал, что ему нужна свобода, Аглая. Какая свобода?! У него ребёнок! Ему восемь месяцев от роду! Он даже ходить толком не умеет, а его отец уже сбежал за своей мифической свободой за тридевять земель.

Кукуша молчала. Потому что в голове, как назло, не было ни одной готовой мысли. Она хотела сказать что-то ободряющее. Что-то про Бердяева и свободу как осознанную необходимость. Про любовь как иррациональную силу, которая не бросает в беде. Про соборность, которая способна преодолеть любые расстояния. Про то, что муж наверняка вернётся, потому что по-настоящему любит и просто запутался. Но слова застревали в горле, как те самые гнилые мандарины. Она вдруг с ужасающей ясностью поняла: всё, что она сейчас скажет, будет ложью. Или, по крайней мере, не твёрдой уверенностью, а утешительным пластырем, который отвалится через час, оставив после себя только липкий след.

— Лена, — сказала она наконец тихо, почти беззвучно. — Я не знаю, что тебе сказать. Раньше, понимаешь, раньше я знала. Всегда находила слова. А теперь — нет. Совсем. Ни одного.

— Ты же философ! — воскликнула Лена, вскинув на неё заплаканные, острые, как у раненой птицы, глаза. — Ты обязана знать! Ты всегда находила эти чёртовы слова! Ты всегда говорила, что любовь сильнее всего на свете! Что наши дурацкие круги помогают не сойти с ума. Что мандарины — не просто фрукты, а символ всеобщего равенства и счастья, я не помню точно! Ты сама в это верила! Ты же нас всех заразила этой верой, как гриппом! А теперь ты говоришь, что не знаешь? Что случилось, Аглая?

Кукуша опустила голову. Ей стало стыдно. Стыдно за свою пустоту перед этой плачущей женщиной, которая ждала от неё чуда.

— Я больше не верю, Лена, — выдохнула она. — Не знаю, когда это случилось. Может быть, в тот момент, когда мандарины оказались гнилыми до самой сердцевины. Может быть, когда заметила, что Павел стал смотреть на меня как на мебель. Может быть, когда Кротов сказал, что уходит... Но я больше не могу врать себе и другим. Любовь не сильнее вахты и зарплаты. Круги не возвращают мужей. А мандарины — это просто вкусные, но очень коварные фрукты. И всё.

Лена посмотрела на неё с недоумением, с ужасом, с каким-то детским отчаянием. Потом медленно встала, молча взяла ручку коляски и, не сказав ни слова, не попрощавшись, вышла. Дверь хлопнула негромко, но этот хлопок отозвался в груди Кукуши, как удар колокола. Она осталась одна. На плите доваривался пересоленный суп. Она сварила кофе — густой, чёрный, как её настроение, — но пить его не стала. Просто смотрела, как он остывает, как на поверхности появляется тонкая, безобразная плёнка, которую она ненавидела с раннего детства, с тех самых пор, как бабушка заставляла её пить остывший завтрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.